

В средних технических учебных заведениях два часа занятий по русскому языку в неделю только в 10-ом классе.

После школы учащиеся, желающие продолжить изучение русского языка, могут поступить в Университет филологии и гуманитарных наук в Бамако, на факультет филологии, на бакалавриат.

После бакалавриата учащиеся могут принять участие в конкурсе на поступление в Высшую Нормальную Школу в магистратуру. Эта подготовка углубляет их знания русского языка и вооружает их методикой преподавания русского языка.

Чтобы получить репрезентативное представление о количестве изучающих русский язык в средней общеобразовательной и технической школе в Мали, мы обратились к статистическим данным, предоставленным региональными инспекторами средней школы русского языка и заведующими кафедрами русского языка высших учебных заведений. Данные за 2019 год представлены следующим образом.

На уровне общего среднего и технического образования примерно 2000 учащихся изучали русский язык как второй иностранный язык в 38 средних школах [2, с. 180].

Что касается высшего образования, то на филологическом факультете Университета филологии и гуманитарных наук Бамако обучались 48 студентов [2, с. 180].

Согласно Усману Кулибали, заведующему кафедрой русского языка, в этом году в Высшей Нормальной Школе обучается примерно 30 студентов.

Для распространения русского языка в Мали мы считаем необходимым

- открыть русский культурный центр в столице Бамало;
- обеспечить учебные заведения адекватными учебными пособиями;
- активизировать и материально поддерживать Малийскую Ассоциацию преподавателей русского языка и литературы по продвижению русского языка, что позволит ей организовать различные мероприятия по продвижению русского языка;
- поддерживать студенческий клуб русского языка;
- восстановить стажировки в Российской Федерации не только для студентов, но и для преподавателей русского языка.

В последние годы Российская Федерация проявляет интерес к африканскому континенту, особенно к Мали, что несомненно позволяет нам прогнозировать лучшее будущее для русского языка в Мали. Однако это требует участия в развитии изучения русского языка ключевых деятелей: власти Российской Федерации через дипломатическое представительство в Мали, власти Мали, Малийской Ассоциации преподавателей русского языка и литературы, студентов – членов клуба русского языка.

Литература

1. Донченко Г. В. Русский язык в Мали. Русская речь: Архив выпусков. №3. 1982
2. Сану Д. Система обучения русскому языку в Республике Мали. Сборник тезисов IV Международной студенческой научно-практической конференции «В мире русского языка и русской культуры». Москва. 2020
3. Coulibaly O. Problématique de la diminution du nombre des apprenants de la langue russe dans les écoles maliennes. Revue semestrielle de l'ULSHB. №4. 2019
4. Country Economy [Электронный ресурс]: URL: <https://fr.countryeconomy.com/pays/mali#:~:text=Le%20Mali%2C%20avec%20une%20population,17%20personnes%20par%20km2>. (Дата обращения 12/09/2022)

Трушкова Е. И.
*преподаватель кафедры иностранных языков
УО «ВГТУ»*

Феномен «мёртвого живого языка» в контексте современности

Аннотация. В статье анализируется текущее положение и судьба белорусского языка в глобальном мире. Материал даёт характеристику языковой картины Республики Беларусь. Используя метод анализа, автор доказывает существование белорусского языка как самостоятельного. В статье описывается феномен «мёртвого живого языка». Рассматриваемая тема будет интересна специалистам в области лингвистики.

Ключевые слова: белорусский язык, языковая картина, гипотеза лингвистической относительности, концепции происхождения белорусского языка

Положение белорусского языка в контексте современности является поистине уникальным явлением. Уникальность состоит в том, что язык является одним из государственных, изучается в учреждениях образования, но в повседневной жизни практически не используется и существует скорее как элемент культуры, нежели средство общения. Этот феномен во время данного исследования получил название «мёртвый живой язык». Белорусский язык сегодня может встретиться в театральном, литературном, кинематографическом, вокальном и музыкальном искусстве Беларуси, являясь в целом специфическим экспрессивным средством, так как если полагаться на гипотезу лингвистической относительности или «Гипотезу Сепира-Уорфа», «язык либо полностью определяет мышление, либо только влияет на него, а наряду с этим мышление формируется под влиянием традиций и некоторых видов неязыкового поведения». [1] Хотя настоящая гипотеза и не является доказанной, на сегодняшний день она не является и опровергнутой.

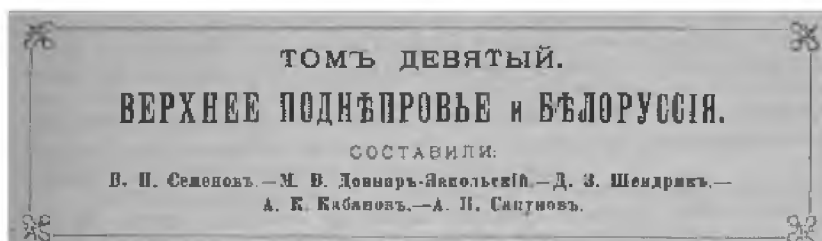
Тесные связи славянской этнической группы обуславливают некую «стёртость границ» между нациями и государствами. Как правило, в таких случаях наблюдается ассимиляция, или языковой сдвиг, то есть переход языкового сообщества от родного языка к более престижному. Подобные явления сложно отнести к положительным или отрицательным. С одной стороны, языковой сдвиг является катализатором развития международных отношений, облегчает процесс глобализации. С другой стороны, это приводит к потере национальной идентичности, негативно сказывается на национальном языке, а иногда и вовсе приводит к его исчезновению.

В лингвистике принято полагать, что язык является устойчивой системой. В некоторой степени это утверждение является верным, но мы не можем однозначно полагать, что «язык статичен, а речь динамична». Территориальное взаимодействие влияет на речь, но и речь с течением времени преобразует язык. Таким образом, появляются не только диалекты, но и новые языковые нормы. Например, современный белорусский язык, изменения в котором происходят даже сейчас, уже заметно отличается от пресловутого старобелорусского языка, который являлся государственным языком Великого княжества Литовского. Современный белорусский язык имеет множество схожих черт с польским, русским и украинским языками. Для многочисленных исследователей в области лингвистики это послужило основанием полагать, что белорусский язык и вовсе не является самостоятельным языком.

В начале нашего исследования мы обратились к школьному курсу истории, в котором подробно описываются труды великого слависта Евфимия Фёдоровича Карского и его трёхтомной работе «Белорусы». Несмотря на приверженность западноруссизму, в работе «Белорусы» Карский приводит доказательства тому, что белорусский народ является «отдельным этносом со своим языком и культурой». В поисках исторической истины, учёный внёс огромный вклад в развитие белорусской культуры и языка. Существует большое количество мнений относительно работы Карского. Шакун Л.М. пишет: «В 19 веке вышла известная работа Е.Ф. Карского “Обзор звуков и форм белорусской речи”. (...) К белорусскому языку Карский подошёл как к самостоятельному славянскому языку: «Белорусский язык должен считаться самостоятельным: совокупность его характерных черт не повторяется ни в одном славянском языке» (переведено с

белорусского языка). [2] Известный политический деятель Я. Лёсик в предисловии к работе «Белорусы» отмечает: «Книга эта интересная; много полезного принесёт каждому интеллигентному белорусу, но, читая её, нужно понимать, что автор всё ещё смотрит на белорусский язык как на наддиалект московского языка. Проф. Е.Ф. Карский – в науке сторонник московского централизма (переведено с белорусского языка).» [3]

В 1925 году историк-славист родом из Речицы, Митрофан Викторович Довнар-Запольский, издаёт книгу «История Белоруссии». (см. рис.)

въ культурномъ. Между тѣмъ земли кривичей, полоцкихъ и смоленскихъ, дреговичей и радимичей, войдя въ составъ Литовско-Русскаго государства, очень скоро слились, такъ что уже въ XV в. можно говорить объ единой бѣлорусской народности. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Литовское правительство, какъ мы увидимъ, далеко не способствовало объединительнымъ русскимъ началамъ, потому что оно остановилось на принципѣ децентрализаціи и областной самостоятельности. Религія не могла явиться такимъ всемогущимъ объединяющимъ элементомъ, потому что при ея единствѣ выдѣлились однако племенные особенности великоруссовъ и малоруссовъ. Правда, религія являлась могущественнымъ связующимъ звеномъ, почвой, на которой сходились интересы русскихъ земель. Но было и еще звено—это общность нарѣчій всѣхъ трехъ племенъ. Различіе въ говорахъ очень рано начало оказы-

¹⁾ На бѣлорусскомъ нарѣчій говорятъ кромѣ Могилевской, Мняской, Витебской и Смоленской губ., за исключеніемъ восточной части послѣдней, еще въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ большей части Виленской губ., въ сѣверной части Черниговской, въ Гродненской (половня), въ Сувалкейской (Ангустовскій уѣздъ), наконецъ отдѣльныя поселенія въ Курляндской, Ковенской и на западныхъ окраинахъ Гверской, Калужской и Орловской (въ послѣднихъ трехъ очень вѣчно вслѣдствіе метисаціи съ преобладающимъ родственнымъ великорусскимъ племенемъ).

Историк-антрополог, доктор биологических наук А.И. Микулич считает, что появление славянского языка на белорусских землях обусловлено появлением торгового пути «Из Варяг в Греки», контролируемого варягами, то есть готами-славянами. Языки таких племён, как кривичи, ятвяги и дайновичи практически не отличались от языка их предков – гуттов-гепидов. Тот, в свою очередь, являлся западно-балтским языком, похожим на языки гуттов и гепидов в одинаковой степени, потому как и породил это смешение. В настоящее время примерно четверть лексики белорусского языка – это балтская лексика, имеющая некоторые сходства с прусской и глубокие индоевропейские корни. Из этого следует, что язык Статутов ВКЛ не является «древнебелорусским». Хотя он и отличается от киевского «рутенского» языка, но незначительно и это не делает его «старобелорусским». Таким образом, настоящий древнебелорусский – это не язык Статутов ВКЛ, а литвинский. А сам литвинский, как уже упоминалось, является ятвяжским. [4]

Из «Хроники» Феодосия Софоновича (около 1673 года): «Ятвѣжи были одного народу з литвою и з половцами, и з прусами старыми, з готтов пошли, которых столечное мѣсто было Дрогичинь, а Подляшье все аж до Прус, з Воляня почавши, осли были, Новгородок Литовскій и околичніи волости держали». «Тыи всѣ народы были потом

готами и епидами, ядвѣжами, печенигами и половцами названыи. И иншии засѣли тамъ, где теперь Литва, и над моремъ Прускимъ». Название «ятвяги» исчезает в XIII веке, и население примерно в районе Новогрудка начинает называться литвинами, следовательно, литвинский язык — это ятвяжский. [5]

Русский этнограф-беллетрист Сергей Максимов, направленный в 1868 году Русским Географическим Обществом в Северо-Западный край, издал книгу, где отметил свои наблюдения: «Название «Белорусь» – искусственное, книжное и официальное. Сами себя потомки Кривичей подъ этимъ именемъ не знаютъ. ...подъ именемъ Белой Руси понимаетъ тамошній народъ Великороссию. Местная интеллигенція начала считать название «Белоруссомъ» даже обидным...» [6]

Во многих семьях язык предков дошёл до наших дней и передаётся потомкам как нечто особенно ценное и важное. К примеру, на территорию Беларуси мигрировало огромное количество пруссов, спасавшихся от немецко-польской экспансии. Миндовг, основавший ВКЛ, также являлся пруссом. На белорусских землях проживает несколько тысяч их потомков. Нельзя сказать, что речь идёт о самом прусском (погезанском) языке, ведь этот язык почти ничем не отличался от ятвяжского языка, на котором разговаривало местное население, а потому пруссы и бежали сюда - в нашем случае, это всё тот же «старобелорусский» язык. По рассказу одного из уроженцев деревни Купятичи под Пинском [4], в его родной деревне общение до сих пор ведётся на «непонятном» языке, а его мать и бабушка, говорившие в быту на «трасянке», во время ссор всё время переходили на свой непонятный язык – язык их предков. Интересным фактом является и то, что многие носители этого языка не могут точно сказать, на каком именно языке они разговаривают. Не менее интересным для исследования стал язык «лаборский» или «лаборский». В Брестской области, а именно в городах Иваново и Дрогичин, до сих пор из поколения в поколение передаётся свой особый язык. Само слово «лабор» с древнеиндоевропейского переводится как «труженик». Существует версия, что лабораторский – это один из вариаций «древнебелорусского» языка.

Однозначный вывод о происхождении белорусского языка сделать практически невозможно в виду большого количества лингвистических концепций и исторических документов, однако было выявлено, что язык является неотъемлемым элементом культуры любой нации и вероятнее всего обуславливает восприятие человеком окружающего мира. Судьба белорусского языка как средства общения остаётся неопределённой. Расширения сферы использования не наблюдается, но язык однозначно будет существовать в какой бы то ни было форме, пока он является одним из государственных и изучается в учреждениях образования.

Литература

1. Бурас, М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности / М. Бурас, М. Кронгауз. // Наука и жизнь. № 8. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/431410?context=369876>.
2. Шакун Л.М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мн., 1984. С.252-253.
3. Цит. по: Карский Е.Ф. Белорусы. Т. III. Ч.1. Прадмова. С.26.
4. Саливон И.И. , Тегако Л.И. , Микулич А.И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976 – 272 с.
5. Деружинский В. Аналитическая газета «Секретные исследования», №13, 2010.
6. Максимов С. «Живописная Россия».

*Тучкова И. Г.
ст. преподаватель кафедры иностранных языков ИУПС и БК
ГУУ, г. Москва*